

Е.И. Майорова

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

HISTORY
FILES

History files

Елена Майорова

Женские лики Столетней войны

«ВЕЧЕ»

2013

УДК 94(100-87)
ББК 63.3

Майорова Е. И.

Женские лики Столетней войны / Е. И. Майорова — «ВЕЧЕ»,
2013 — (History files)

Средневековые, грубые нравы, жестокость, смерть и кровь. Недолговечные союзы, предательство, жажда наживы – игры мужчин. Кажется, здесь нет места женщинам, существам второго сорта, запертым в неприступных замках и обреченным на печальное ожидание своего воина над вышиванием церковных покровов или чтением молитвенника. Об их личной и частной жизни не принято упоминать. Однако это именно то время, когда выдающиеся женщины своей эпохи стремились сбросить с себя смирительную рубашку стереотипов и буквально делали политику, не только побуждая рыцарей на подвиги и свершения, но и олицетворяя своей личностью династическую идею. Вниманию читателей предлагаются жизнеописания нескольких женщин, так или иначе повлиявших на возникновение и течение англо-французского конфликта. Естественно, они принадлежали к высшему сословию, в противном случае никаких сведений о них в истории не сохранилось бы. Биографические очерки связаны кратким изложением событий XII–XV веков, имеющих отношение к противостоянию двух стран.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3

© Майорова Е. И., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Предисловие	5
Завоевание Англии нормандцами	8
Алиенора Аквитанская	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Ивановна Майорова

Женские лики Столетней войны

Предисловие

История – близкая и далекая, своя и чужая – всегда вызывает жадный интерес. Ее переломные моменты, драматические коллизии невыдуманных событий привлекают внимание любознательных потомков, не склонных рассматривать жизнь как случайный набор случайных ситуаций.

Почему обстоятельства сложились именно так, а не иначе? Какие причины определили наступившие последствия? И главное – какими были люди, изменявшие судьбы стран и народов? Кто были их родители, воспитатели, союзники и завистники, кого они любили и ненавидели... Привычки, убеждения и привязанности неординарных, ярких личностей, влияние их ближнего круга часто являлись той движущей силой, которая сделала лицо мира таким, каким мы видим его сейчас.

Трудно спорить с тем, что индивидуальность человека является продуктом его собственной деятельности. Люди по-разному видят ситуацию, интерпретируют ее и поступают соответственно своему характеру и склонностям.

Исторические процессы расцветают появлением выдающихся личностей, наделенных сильными страстями, способных на тщательно взвешенные, но на первый взгляд неожиданные, лишенные логики поступки, ведущие к достижению цели.

Не зная общей характеристики эпохи, трудно разобраться в частностях, из которых складывается историческое целое. Легко объяснить все загадки истории перераспределением производительных сил, классовыми мотивами и борьбой за рынки сбыта, что было свойственно исторической науке эпохи социализма. Идеологический подход исключал тот факт, что массы инертны и, чтобы подвигнуть их на действие, требуется какой-то стимул, возбуждающее начало. Толпе всегда был необходим герой, который мог зажечь ее своим энтузиазмом и повести за собой. Таковы были бунтари и подвижники Спартак и Петр Пустынник, Дольчино Дольчи и Емельян Пугачев, Мартин Лютер, Константин Великий, Владимир Святой и Ян Гус; великие воители Александр Македонский, Тамерлан, Юлий Цезарь, Сид Компреадор, Роберт Гвискар, Святослав Киевский, Ричард Львиное Сердце, Жанна д'Арк, Наполеон; выдающиеся правители Перикл Афинский, Марк Аврелий, Фридрих Барбаросса, Ярослав Мудрый, Тамара Грузинская, Чингизхан, Елизавета Английская, Екатерина II и тираны Нерон, Андроник Комнин, Иван Грозный, Сталин и др. Часто на протяжении жизни одного великого человека его мощной волей перекраивались границы стран, возникали новые города и государства, происходили культурные революции, перемещения народов, коренные изменения религиозного сознания.

Соотношение между характером лидера и обстоятельствами порождало результат, который, возможно, стал бы иным, будь на месте вождя другой человек.

Следует отрешиться от представления, что выдающийся деятель – и не человек вовсе. Что ему чужды слабости, ошибки и заблуждения. Во многом такому представлению способствуют школьные стереотипы и биографические справки, повествующие, когда и где герой родился, сколько совершил сражений или переворотов, какую вел политику и в каком году умер.

Сейчас, напротив, на потребу дурному вкусу появилось много изданий, посвященных живописанию слабостей, тайных пороков и скандальных подробностей жизни великих людей.

Смакование интимных сторон их жизни еще дальше от истории, чем догматизированный марксизм, долгое время считавшийся у нас подлинно научной методологией.

Рассматриваемая история Столетней войны – это, по сути, история средневековой Европы. На протяжении всего Средневековья война Англии и Франции, то затихая, то вновь разгораясь, не прекращалась. Она затронула все сферы государственной жизни, оказывая губительное влияние на состояние общества и его институты. В этот сложный династический и политический конфликт были в той или иной степени вовлечены все европейские страны. Правда, сам термин «Столетняя война» появился лишь в трудах историков Нового времени – современники не считали ее одним событием и воспринимали как несколько крупных военных кампаний.

Об этом периоде Высокого Средневековья данные предельно скудны. Почти на каждое свидетельство существует опровержение, на каждое утверждение – отрицание. Наряду с общепризнанными фактами приходится довольствоваться преданиями, собственными предположениями и выводами – ведь в истории любая версия субъективна, поскольку основана на субъективном толковании источников. Картина прошлого, обрастая причудливыми подробностями и теряя реальность, рисуется в зависимости от личного отношения к событиям. Но чтобы сформировалось какой-то целостный взгляд на то, что произошло много лет назад, надо иметь необходимый минимум информации, позволяющий делать определенные выводы. Недостаточно школьных знаний вроде: передовая Англия стремилась захватить феодальную Францию, чтобы иметь рынок сбыта овечьей шерсти; французы терпели поражения до тех пор, пока не появилась крестьянская девушка Жанна, сплотившая патриотические силы и изгнавшая англичан с родной земли; англичане сожгли героиню; французские феодалы, убоявшись усиления народных масс, ничего не сделали для ее спасения.

Во всех нагромождениях битв, интриг, падений тронов и возвышений владетельных домов интересна лишь история отношений человека к человеку.

В те далекие времена судьба нации почти всегда зависела от личной храбрости вождей. Было исключительно важно, чтобы правитель умел не только управлять, но и сражаться. Поэтому на эту роль избирался наиболее мужественный, властный, способный покорить любого врага член правящей семьи. Да и позднее личные качества вождей непосредственно сказывались на благоденствии, авторитете и международном положении страны.

Но судьбы стран и народов определяла не только храбрость правителей – красота и мудрость их жен и дочерей нередко способствовали расширению границ государств, заключению перемирий и союзов. Во все времена брачные отношения сильных мира сего являлись предметом высокой и низкой политики, торговли и спекуляций.

Средневековые, грубые нравы, жестокость, смерть и кровь. Недолговечные союзы, предательство, жажда наживы – игры мужчин. Кажется, здесь нет места женщинам, существам второго сорта, запертым в неприступных замках и обреченным на печальное ожидание своего воина над вышиванием церковных покровов или чтением молитвенника. Об их личной и частной жизни не принято упоминать. Однако это именно то время, когда выдающиеся женщины своей эпохи стремились сбросить с себя смиренную рубашку стереотипов и буквально делали политику, не только подвигая рыцарей на подвиги и свершения, но и олицетворяя своей личностью династическую идею.

Вниманию читателей предлагаются жизнеописания нескольких женщин, так или иначе повлиявших на возникновение и течение англо-французского конфликта. Естественно, они принадлежали к высшему сословию, в противном случае никаких сведений о них в истории не сохранилось бы. Биографические очерки связаны с кратким изложением событий XII–XV веков, имеющих отношение к противостоянию двух стран.

Для того чтобы было легче ориентироваться в многообразии родственных связей правящих домов, а также действующих лиц, носящих одинаковые имена, в приложении даются генеалогические таблицы.

Завоевание Англии нормандцами

В научных трудах и в учебниках истории приводятся даты Столетней войны: 1337–1453 гг. Тривиальная идея, что маленькая воинственная Англия стремилась завоевать богатую миролюбивую Францию, при несомненных достоинствах в виде простоты и незатейливости, имеет только один недостаток – она не соответствует действительности. Объяснение, что подлинной причиной войны было соперничество обеих стран за обладание промышленной Фландрией, тоже не в полной мере отражает существовавшее в то далекое время положение вещей. Дело в том, что Английское королевство как раз и образовалось путем завоевания земель островитян пришельцами с континента – нормандцами.

Потомок морского разбойника Роллона (более точно его имя звучит как Хрольв, или Ролло Пешеход) в седьмом колене, незаконнорожденный сын герцога Роберта Дьявола, преступлением добывшего власть над Нормандией, Вильгельм, звавшийся Бастардом, а потом Завоевателем, положил начало вражде, вылившейся в бесконечную войну.

Его отец Роберт I после всех совершенных им злодеяний на заключительном этапе своего правления приобрел высокий авторитет как в самом герцогстве, так и за его пределами. Правители соседних земель предпочитали иметь его своим союзником, а не противником. В 1031 г. Роберт сумел обеспечить сбор всех причитающихся королю Франции податей и мог с полным правом рассчитывать на его поддержку. Внутри герцогства он имел твердую поддержку в лице набирающей силу новой аристократии и опирался на помощь самого влиятельного в Нормандии человека – архиепископа Руанского.

В 1034 г. он неожиданно объявил о своем намерении отправиться в паломничество в Святую землю. Ближайшие советники не одобряли его планов, доказывая, что нельзя оставлять свои владения, когда нет наследника. Тогда Роберт представил дворянству Вильгельма, которому было пять или семь лет, рожденного простой горожанкой Арлевой, и объявил, что оставляет герцогство ему. «Он мал, но он вырастет!» – по преданию, заявил герцог.

Признание Вильгельма наследником Нормандии было одобрено Генрихом I Французским, к которому, по некоторым данным, ребенок был привезен на показ. Генрих обещал стать защитником маленького Вильгельма. Таким образом, Роберт Дьявол обеспечил себе тылы и гарантировал сохранение династии. Невзирая на возмущение советников и предостережения, несущиеся со всех сторон, герцог был непреклонен и вскоре выехал из Руана в сопровождении блестящей свиты в Иерусалим ко Гробу Господню. Предания прославляют его набожность, щедрость и едва ли не христианское милосердие.

Возвращаясь из паломничества, герцог скончался от смертельной болезни. Позднее появилась версия, что он был отравлен – впрочем, не уточнялось кем. Доподлинно известно, что Роберт, шестой герцог Нормандии, умер в первых числах июля 1035 г. в Никее Битинийской.

Вильгельм II (1027/29-1087) получил власть в очень юном возрасте, но шансов удержать ее у него было совсем немного. Время до его совершеннолетия стало в Нормандии периодом разгула анархии и своеволия баронов. Сама жизнь юного герцога висела на тоненькой ниточке. Один из его защитников был заколот на пороге комнаты Вильгельма, другой – отравлен. Но благодаря верности старых соратников отца, безраздельно преданных роду Роллона, и покровительству короля Генриха I Французского опасность если не была полностью устранена, то, по крайней мере, значительно уменьшилась. Генрих забрал ребенка к своему двору и не жалел ни средств, ни сил, чтобы дать ему должное воспитание и образование. Однако между делом он прибрал к рукам принадлежащий Вильгельму город Вексен – важный стратегический и торговый центр.

Другим покровителем юного герцога стал Балдуин V Фландрский: он был заинтересован в дружеских отношениях с Нормандией.

Достигнув совершеннолетия, молодой герцог вернулся в свои владения. Власть не упала ему в руки, как спелое яблоко, но поддержка Франции и Фландрии делала его притязания убедительными.

Вильгельму было около двадцати лет, когда вспыхнуло восстание с целью свержения его с престола. Мятеж угрожал самой жизни герцога. На место Вильгельма заговорщики прочили его двоюродного брата Ги Бургундского. За него было его высокое – законное! – происхождение от корня нормандских правителей, богатство, сильные вассалы. Поддерживаемый многими знатными нормандцами, он поднял против Вильгельма свое боевое знамя.

Тот, едва спасшись от верной смерти, бросился к Генриху Французскому. Король, всегда верный долгу сюзерена, выступил на защиту своего вассала. На равнине Валь-э-Дюн близ Каена произошла его встреча с войском восставших. Очень много нормандцев вышло на битву под знаменами мятежников, и только личная храбрость французского короля помогла сохранить и власть, и жизнь Вильгельма. В ярости боя Генрих был сбит с коня, и от гибели короля спасли верные оруженосцы, убившие атаковавшего его рыцаря.

После сражения на Валь-э-Дюн, показавшего отвагу Вильгельма и прочность его позиций, появился план выдать за него дочь Балдуина V Фландрского Матильду. Свадьба состоялась только между 1050 и 1052 гг., поскольку папа Лев IX наложил запрет на этот брак. Неизвестно, почему возникли препятствия. Существовали различные версии: что Матильда была к этому времени замужем за неким фламандским вельможей и имела от него дочь; что она уже овдовела и хотела посвятить себя служению Богу и пр. Сейчас эти гипотезы опровергнуты. Осталось предположение, что Роллон был прямым прадедушкой Матильды и Вильгельма, следовательно, они являлись пятиродными братом и сестрой. Запрещая браки в такой степени родства, церковь защищала правящие дома от вырождения.

Предания упорно утверждают, что Матильда, в жилах которой текла кровь Каролингов и англосаксонского короля Альфреда Великого, не желала выходить за сына простолюдинки и всячески противилась этому браку. Множество романов, посвященных Вильгельму, с подробностями описывают, как, оскорбленный пренебрежением девушки, жених ворвался во дворец ее отца и жестоко избил бедняжку, «наматывая на руку толстые белокурые косы и нанося синяки и ссадины белоснежному телу». После этого у Матильды раскрылись глаза: она оценила смелость и силу духа жениха и горячо его полюбила.

На самом деле жених и невеста до свадьбы, скорее всего, не видели друг друга.

Поверить в строптивость Матильды трудно. Папский запрет на этот союз служил достаточным препятствием, и в течение почти трех лет и Вильгельм, и Балдуин V только и делали, что добивались разрешения на венчание. У принцессы было время примириться с мыслью, что ее свекровью станет дочь дубильщика кож.

Наконец, компромисс был найден: во искупления греха, который жених и невеста все же совершали, вступая в брак, они должны были построить по монастырю, соответственно мужскому и женскому, и посвятить Богу одного из своих детей. Впоследствии их дочь Сесили стала настоятельницей монастыря.

Источники довольно подробно описывают внешность Завоевателя. Не красавец, но представительный мужчина, простонародной наружности. Однако нигде не встречается славословий красоте Матильды Фландрской – упоминаются только ее благородное происхождение, ум и христианские добродетели.

В 1961 г. останки Матильды были подвергнуты эксгумации. Результаты антропометрических измерений показали, что рост первой английской королевы из нормандской династии составлял приблизительно 1 метр 27 сантиметров. Возможно, этим объясняется отказ богатого сакса Бритрика, владельца Экзетера, взять ее в жены – не опасался ли он, что эта знатная

девушка не сможет родить ему наследников? После завоевания Англии Вильгельм подарил Матильде Экзетер, и она тотчас приказала бросить Бритрика в темницу, где он и пробыл до самой смерти.

Происхождение Матильды требовало определенного соответствия от супруга, внука дубильщика кож из города Фалеза.

5 января 1066 г. в Англии умер бездетный король Эдуард Исповедник. Двадцать четыре года своего царствования он просто восседал на троне, предоставляя другим драться за власть и решать вопросы престолонаследия. Однако в ретроспективе кажется, что Эдуард скрытно и коварно вел свою игру, приманивая претендентов на трон несерьезными обещаниями. Его наследием были пустая казна, раздоры, распри и смятение умов.

Все управление государством при благочестивом короле лежало на его советнике и родственнике, саксе Годвине, а потом на сыне последнего графе Харальде. Со стороны матери он имел некоторое родство с королевским домом, но его притязания на корону, которые всем казались беспорными благодаря его уму, благородству, мужеству, больше ничем не были подкреплены.

Вильгельм, внимательно наблюдавший из Нормандии за развитием событий в Англии, давно решил, что эта страна будет принадлежать ему. Герцог имел определенную связь с английским королевским домом через свою родственницу Эмму, «жемчужину Нормандии», которая была матерью Эдуарда Исповедника. Он предложил Харальду, находящемуся у него в гостях, жениться на его дочери и стать эрлом огромной провинции – в том случае, если тот поможет ему получить престол. Харальд, реально правивший Англией, но в этот момент находящийся в окружении вооруженных придворных герцога, отвечал уклончиво. Тогда, как повествует легенда, Вильгельм принудил англичанина поклясться, что престол будет за Нормандией. Тот поклялся, надеясь, что священнослужители освободят его от обета, данного под принуждением. Однако под алтарем, над которым Харальд принес клятву, лежали мощи святого Эдмунда, что делало ее нерушимой.

Вся эта история рассказана в хронике, изображенной на гобелене, создание которого принято приписывать супруге Вильгельма Матильде. В действительности он создан английскими художниками по приказу сводного брата герцога, епископа Одо. Так называемый «Гобелен из Байе» – один из старейших документов, повествующих о завоевании Англии норманнами.

Перед смертью Эдуард при свидетелях назначил своим наследником Харальда. Благородство и бескорыстие этого человека, ум и смелость, любовь к людям и к своей стране сделали его лидером нации и безусловным претендентом на корону Англии. Харальд стал первым и единственным в истории Англии добровольно и всенародно избранным королем.

Но и для Вильгельма обстоятельства тоже складывались неплохо. К этому времени Генрих I Французский, с которым в последнее время отношения сильно ухудшились, оставил этот мир, и королем стал его 14-летний сын Филипп. Регентом Франции был избран Балдуин Фландрский, тесть Вильгельма. Южный сосед, графство Анжу, с которым у Нормандии часто бывали стычки, само страдало от очередной междоусобицы.

Папа Александр II благословил замысел нормандского герцога, и тот 28 сентября 1066 г. с огромным войском высадился на берег Англии.

В это время Харальд сражался с еще одним претендентом на английский трон – норвежским королем Гарольдом Суровым. Харальд разбил войска норвежцев и бросил свою армию против нормандцев.

Они сошлись при Гастингсе. И тут военное счастье изменило этому храброму благородному человеку. После того как погибли младшие братья, пришел и его черед: нормандская стрела попала ему в глаз. Он был убит на поле боя, и после гибели вождя войско саксов было разбито.

Битва при Гастингсе сделала величайшего из французских подданных, герцога Нормандии, также и королем Англии. Вильгельм Незаконнорожденный вошел в историю как Вильгельм Завоеватель.

Саксы немедленно избрали королем потомка старинного королевского дома Уэссекса, праправнука Альфреда, Эдгара Этлинга. Но он был совсем юн и едва ли мог управлять королевством, тем более что эрлы саксов даже перед лицом нормандской опасности не могли объединиться и продолжали собственные дразги.

Когда Вильгельм подошел к Лондону, город без сопротивления открыл ворота, а Эдгар Этлинг сдался на милость победителя.

Вильгельм повелел построить крепость для гарнизона, и она стала ядром того, что затем превратилось в лондонский Тауэр.

В 1067 г. Вильгельм перевез Эдгара Этлинга и его сестру Маргарет в Нормандию. Им удалось бежать, и они скрылись в Шотландии. Там правил король Малькольм III (сын убитого Дункана и победитель Макбета). Ему приглянулась Маргарет, и он, несомненно, понимал, что, если женится на ней, его наследники смогут претендовать на английский трон. Брак был заключен, и все последующие шотландские короли с полным правом могли возводить свой род к Альфреду Великому.

Отмечали, что преданность короля жене и ее влияние на него были почти безграничными. Он даже никогда не высказывал ни малейшего недовольствия, когда благочестивая Маргарет расходовала его золото и драгоценности на дела милосердия. Малькольм не умел читать, но, видя, с каким благоговением относится к книгам Маргарет, он отдавал богато украшать их переплеты.

Период покорения Англии был тяжелым и грозным временем. Саксы воспринимали нормандцев как завоевателей, и те находились на положении вражеской армии в чужой стране. Нормандцы хотя и вели свое происхождение от викингов, за пять поколений полностью переняли французский язык, придерживались французских манер; их единственной культурой была французская. Для англичан нормандцы являлись французами, чей язык они не понимали и чьи обычаи были им отвратительны.

Теперь воин из Анжу, Мэна, Бретани владел поместьем на древней земле саксов. Это порождало множество сложностей.

В нашу задачу не входит описание борьбы Вильгельма с национальным сопротивлением, его многочисленных победоносных сражений, его дипломатии и взаимоотношений с Римом. Скажем только, что постепенно он подавил всякое возмущение в покоренной стране, провел полную перепись всех земельных владений королевства («Книга Страшного суда») и заставил землевладельцев всех уровней принести ему присягу.

На Рождество 1066 г. Вильгельм был коронован в Вестминстере архиепископом Йоркским. Через два года герцогиня Матильда, правившая Нормандией в отсутствие мужа, прибыла в Лондон на свою коронацию.

Значение королевы при Вильгельме существенно выросло. Она короновалась отдельно и получала значительный домен, который управлялся должностными лицами ее двора. Вильгельму необыкновенная миниатюрность жены не мешала преданно ее любить, быть верным ей на протяжении многих лет, поручать управление государством в свое отсутствие и глубоко страдать от ее слепой привязанности к недостойному старшему сыну Роберту. Всего у королевской четы было четверо сыновей и пять или шесть дочерей.

Англия, которую Вильгельм, безусловно, ценил меньше, чем Нормандию, требовала его постоянного присутствия. Королева Матильда успешно справлялась с ролью регента в Руане, но буйные сыновья отравляли ей жизнь.

Старший, Роберт, любимец матери, отличался очень маленьким ростом, и его прозвали Коротконогим. Будущий рыцарь-крестоносец, непоседливый и расточительный, унаследовав-

ший от отца любовь к сражениям, но не имевший твердых практических целей, возмущался тем, что Вильгельм столь настойчиво цепляется за жизнь; он нетерпеливо требовал своего наследства, Нормандии.

Беда сильных родителей – Вильгельм мог подчинять себе, но не мог вызвать любви.

Не раз приходилось ему пересекать пролив, чтобы наказать мятежные города и разрушить заговоры собственного сына с французским двором. Изгнанный из Нормандии Роберт нашел убежище в замке Филиппа I Французского. Неумолимый Вильгельм отправился во Францию. Там за стенами замка с опущенными забралами сошлись в бою отец и сын. Роберт ранил отца в руку и сбросил с коня. Он бы убил его, если бы не один англичанин, который помог поверженному Завоевателю вернуться в седло. Эта схватка охладила обоих, и на какое-то время они примирились.

Но, по-видимому, уже тогда он задумал оставить старшему сыну Нормандию, а корону Англии передать второму, Вильгельму. Правда, его достоинством была только сыновняя преданность, но не избалованный родственной привязанностью Завоеватель высоко ценил это качество. Тем более что к тому времени (в 1083 г.) после тридцати лет супружеской жизни умерла Матильда. Вильгельм, который был очень близок с женой, тяжело переживал ее уход и страдал от одиночества.

Возраст и роскошная жизнь сказывались на Вильгельме. Он сделался чрезвычайно тучным; однако не утратил своего беспокойного нрава. Он завоевал Мэн, расположенный у южных границ Нормандии, и затеял бестолковую войну с королем Франции. Услышав, что французский король оскорбительно отзывается о его тучности, Вильгельм впал в ярость. Он решил совершить разрушительный набег на французские земли, чтобы согнать усмешку с лица Филиппа.

Его отряды, движимые жадой разрушения, сожгли город Мант, лежащий на полпути между нормандской столицей Руаном и французской столицей Парижем. Конь Вильгельма взбрыкнул, наступив в кострище, и тучный Завоеватель напоролся животом на переднюю луку седла. Его уже в агонии привезли в Руан, где он и скончался 9 сентября 1087 г. в возрасте шестидесяти лет.

Второй сын Завоевателя после похорон отца немедленно отплыл в Англию, и архиепископ Лафранк, верный советник и друг покойного короля, короновал его как Вильгельма II. Роберт Коротконогий получил власть над Нормандией.

Младшему сыну, Генриху, как в сказке про Кота в сапогах, досталось только пять тысяч фунтов золотом – и больше ничего.

Все три принца были недовольны своей долей. Бароны тоже не были в восторге: многие владели землями по обе стороны пролива и теперь имели двух сюзеренов со всеми вытекающими обязанностями.

Вскоре герцог Роберт отправился в Крестовый поход. Чтобы оплатить немалые расходы на это предприятие, он заложил герцогство Нормандия брату и получил 10 тысяч марок, которые очень быстро растратил.

Вильгельма II называли Руфусом, по-видимому, из-за слишком румяного, прямо-таки красного лица. Это был человек коренастого телосложения, с длинными светлыми волосами, расчесанными на прямой пробор (архиепископ Ансельм, у которого с новым королем сразу возникли трения, настаивал на радикально короткой стрижке для мужчин); глаза у него были разного цвета, с какими-то блестящими крапинками. Он всегда тщательно следовал моде, какой бы нелепой она ни была, и очень заботился о своем гардеробе. Он отличался незаурядной силой, несмотря на выступающее объемистое брюшко; красноречием не обладал вовсе и заикался, особенно в раздражении. Руфусу были присущи храбрость и решительность, и он не побоялся сразу же вступить в конфликт с духовенством, увеличить налоги и принять новые, драконовские законы: если Завоеватель ослеплял браконьеров, то Руфус их казнил. Все оле-

ные поголовье он объявил собственностью короля; его «Лесной кодекс» практически оставлял население без пищи и обогрева. Со знатью король обращался как со слугами, не скрывая своего презрения.

В то же время в отношении окружавших его молодых пригожих щеголей щедрость короля граничила с расточительством. Огромные суммы тратились на предметы роскоши, развлечения, подарки любимцам. Он не женился, у него не было внебрачных детей и любовницы; женщин при его дворе тоже не было.

Хронист Одерик Виталий решительно утверждал, что Вильгельм Руфус – гомосексуалист.

Вымогательство и жестокие методы правления Вильгельма II то и дело досаждали баронам и провоцировали их на неповиновение. Архиепископ Ансельм бежал из страны в Рим.

Процарствовав таким образом тринадцать лет, 44-летний Вильгельм в сопровождении своего любимца Уолтера Тиррела отправился на очередную охоту на оленей. В свите находился младший брат короля принц Генрих.

Что произошло дальше – неизвестно, но короля нашли мертвым со стрелой в груди. Тиррел бежал в Палестину, но клялся, что произошел несчастный случай, а скрылся он от страха.

Услышав о смерти брата, Генрих немедленно захватил королевскую казну: тот, в чьих руках находились деньги, распорядился выплатами и, следовательно, королевской стражей.

Через три дня он был коронован как Генрих I.

Генрих действовал очень быстро и умело, как будто он заранее подготовился к смерти Вильгельма и продумал план действий. Он попросил вернуться Ансельма Кентерберийского, обещая ему безопасность и свое покровительство. Этим он приобрел мощную поддержку церкви и ее самых красноречивых адептов в Англии. Новый король даровал привилегии Лондону и другим крупным городам, гарантировав им определенные права. Освободившись от тирании баронов, города процветали. Они имели возможность извлекать дополнительные прибыли, население их росло, торговля развивалась, городская казна богатели.

Баронов привлекло на сторону Генриха его обещание придерживаться феодальных законов и избегать крайностей, характерных для Вильгельма Рыжего. Упрочив свою власть, он держал баронов железной рукой, как в свое время Завоеватель, но действовал вполне справедливо и без оскорбительных унижений, отличавших стиль правления старшего брата.

Другим шагом Генриха, снискавшим ему расположение подданных, стала его женитьба на шотландской принцессе Эдит. Простые люди полагали, что, если ее дети когда-нибудь взойдут на трон, кровь Альфреда Великого вновь заструится в жилах английских королей.

Тем временем с молодой женой и малюткой-сыном в том же 1100 г. из Палестины вернулся Роберт Коротконогий и потребовал себе Нормандию. Сразу же возобновились раздоры, и следующие шесть лет Генриху I пришлось воевать, чтобы утвердить свой титул. Во главе оппозиции в Англии встал могущественный дом Монтгомери. Генрих упорно боролся и в конце концов сокрушил мощь этого клана. Но корень зла таился в Нормандии. Осенью 1106 г. английский король высадился на континенте и в битве при Таншбре одержал полную победу над Робертом Нормандским. Герцог провел остаток дней в английской тюрьме, а нормандцы признали власть Генриха. Саксы, преданно воевавшие на стороне английского короля, считали победу при Таншбре реваншем за поражение при Гастингсе.

Власть английского короля установилась по обе стороны пролива.

Это возбудило недовольство Франции.

После вступления на престол Людовика VI французская монархия обрела реальную силу.

Безопасность Франции требовала разрыва единства Англии и Нормандии. Английский король как нормандский герцог был слишком сильным вассалом французского короля. Французы возбуждали сына плененного Роберта, Вильгельма Клитона, добиваться власти над Нормандией, невзирая на то что его отец подписал отказ от нее за себя и своих потомков. Француз-

ская дипломатия поддерживала притязания графства Анжу, оспаривавшего права английского короля на Мэн. Англия и Франция находились в состоянии перманентной, но неявной войны.

И тут произошло то, что можно назвать вмешательством злого рока: оба короля, Генрих I и Людовик VI, один за другим потеряли своих сыновей.

Нормандия на некоторое время выпала из сферы интересов Людовика VI. Он обратился на юг, и это его решение оказалось судьбоносным для всей Европы. На исторической сцене появилась одна из самых ярких героинь Средневековья – Алиенора Аквитанская.

Алиенора Аквитанская

С именем этой женщины связано множество домыслов, легенд, ей посвящено огромное количество исторических трудов.

На протяжении XI века Аквитания процветала под властью нескольких герцогов, носивших имя Вильгельм. Одному из них, герцогу Аквитанскому и Гасконскому, графу Пуату принадлежали бескрайние земли на юго-западе Франции от океанических берегов до самых Пиренеев. Но ему не посчастливилось с потомством – у него не было сыновей. Это считалось большим невезением в те времена, когда все владения передавались по наследству сыну – продолжателю династии, носителю крови древнего рода. Но жизнелюбивый герцог утешился двумя хорошенькими дочками. Впрочем, для старшей слово «хорошенькая» подходило меньше всего. Уже при рождении дочь удивила герцога: по преданию, она родилась с вполне осмысленным взглядом и длинными темно-рыжими волосами. Столь разительно отличающаяся от других младенцев девочка получила от отца имя Алиенора – «*alia Aenora*», то есть иная, особенная, ни на кого не похожая. В одном из источников встречается объяснение имени Алиенора как «Орлиная». Согласно другой версии, герцог усмотрел у новорожденной малышки что-то подобное орлу. Имя ли определило судьбу, необычная ли жизнь принцессы подтвердила суть имени, но Алиенора Аквитанская стала одной из самых необыкновенных и знаменитых женщин раннего европейского Средневековья.

Однако и с именем, как со многими фактами, связанными с этой необыкновенной женщиной, не все однозначно. Многие не мудрствуя лукаво называют ее Элеонорой; другие выдвигают предположение, что Вильгельм дал дочери такое редкое имя, впечатленный ее необыкновенными способностями. Но должно было пройти некоторое время, чтобы эти способности проявились. Вряд ли до этого момента у ребенка не было имени. А может быть, – и такая версия также рассматривается – герцог назвал принцессу необычным именем, чтобы ее образ не слился у подданных с образом ее матери – Элеоноры Шательро, дочери виконтессы Даджерозы, многолетней любовницы его отца. Чтобы угодить Даджерозе тот принудил сына жениться на Элеоноре. Хронисты более позднего периода полагают, что именно так все и произошло. Но это допущение слишком притянuto за уши: что мешало просто назвать наследницу другим именем? Ведь называли же ее младшую сестру Петрониллой.

Юная герцогиня перед замужеством успела год пожить с мачехой – второй женой отца с 1136 г. Эммой, дочерью виконта Адемара Лиможского. После смерти мужа Эмме досталась вдовья часть; остальное перешло дочерям. В Аквитании женщины имели право наследовать отцовский титул и родовые владения. Но такие же права имели дочери всего европейского дворянства – лишь в начале XIV века французы примут закон, лишаящий женщину права на корону.

Алиенору воспитывали как мальчика, наследника. Зерна знаний и умений падали на плодородную почву. Она быстро схватывала, легко обучалась, стремилась обо всем узнать как можно больше и дойти до самой сути. Всеобщая любимица, живая и непосредственная, девушка готовилась стать просвещенной и рачительной правительницей своих огромных владений. Она должна была унаследовать цветущую плодородную страну. Аквитания славилась своими виноградниками, она также была знаменита старинными городами, построенными еще Меровингами. Страна признавала и любила свою юную добрую герцогиню.

Еще подростком Алиенора считалась первой красавицей. По описаниям современников и дошедшим до нас изображениям, Алиенора была невысокой, стройной, с удлиненным лицом, тонким прямым носом, большими глазами и густыми темно-рыжими кудрями, из-за которых трубадуры выводили ее имя от слов *aigle en or* – «золотая орлица». Она слыла замечательной умницей, умела вести занимательную беседу, была способна непринужденно и дружелюбно

отвечать на приветствия знати и народа. Ей нравилось ездить в свои процветающие города: в окруженную неприступными стенами гордую Ла-Рошель, в центр китобойного промысла приморскую Байонну, в древний меровингский Пуату. Но больше всего девушка любила Бордо – город, вблизи которого в 1120 или 1122 г. она родилась.

Ей пришлось жить в бурную эпоху становления европейской государственности. То территориально-политическое образование, которое впоследствии стало называться Францией, еще не имело внутреннего единства. Сильные правители расширяли границы своих владений – мечом или брачными союзами. Мирное объединение, путем замужества или женитьбы, безусловно, было предпочтительнее. Алиеноре тоже предстояло выйти замуж ради увеличения фамильного удела; она это знала и была к этому готова. Герцог Вильгельм избрал в мужа дочери наследника французского престола, сына короля Людовика VI, принца Людовика, шестого представителя династии Капетингов. По сравнению с древними аквитанскими герцогами Капетинги были почти парвеню; их фамильное достояние не шло ни в какое сравнение с богатством властителей Аквитании. За полтора века правления ни один из королей их дома не прославил себя никакими выдающимися деяниями. Нынешний монарх владел весьма скромной территорией Иль-де-Франса, Орлеана и Берри.

Однако в средневековой Европе существовала традиция считать королевский сан более престижным и возвышенным, чем любой другой. Король являлся не только вершиной феодальной пирамиды, но и помазанником Божиим на земле.

Людовик был вторым сыном короля; престол предназначался его старшему брату Филиппу. Но когда принцу было девять лет, 15-летний престолонаследник Филипп погиб из-за нелепой случайности: его конь, чего-то испугавшись, встал на дыбы, подросток вылетел из седла и ударился о землю. Падение оказалось для него роковым. Человеческое горе семьи было глубоким и безутешным, но государственные интересы пострадали незначительно – заменить брата были готовы еще несколько сыновей. Теперь бремя власти призван был нести Людовик.

Вильгельм Аквитанский прозревал за династией Капетингов большое будущее. Герцогу исполнилось тридцать семь лет, он отличался завидным здоровьем, сказочной силой, невероятным аппетитом и строил великие планы на последующую жизнь. Внезапно богатыря свалила некая загадочная болезнь, о которой летописи не сообщают никаких подробностей, и его не стало.

Алиенора унаследовала герцогскую корону и как приданое преподнесла ее своему юному мужу – 16-летнему Людовику Французскому. Бракосочетание происходило в столице Аквитании Бордо. Темнокудрая гибкая девушка-южанка в пурпурном платье и светловолосый северный принц в васильковой мантии представляли собой прелестную пару. Но в глазах их поданных еще привлекательнее выглядело новое государство, образовавшееся в результате этого брачного союза. Оно простиралось от границ Священной Римской империи до границ суши.

Теперь молодой герцогине не надо было утруждать себя государственными заботами – все их брал на себя ее супруг. Она же могла полностью погрузиться в мир милых женских пустяков и забав.

Король Людовик не успел порадоваться объединению – он умер почти в то время, когда новобрачные давали друг другу клятву вечной верности. Его сын возвратился в Париж уже королем Людовиком VII.

Новый король был юношей суховатым и сдержанным. Как второй сын короля, он мечтал посвятить свою жизнь служению Богу, благо у него имелся старший брат Филипп, которому и предстояло наследовать трон. Самые светлые воспоминания были связаны у меланхоличного Людовика с аббатством Сен-Дени, где он вместе с младшим братом Анри вел размеренную жизнь, заполненную учебой и молитвами. С простодушием верующего он воплощал в жизнь закон Христа, проводя дни в молениях, а ночи в бодрствовании и покаянии. Несчастный случай, пресекший жизнь престолонаследника Филиппа, заставил принца покинуть стены аббат-

ства для коронации – короли Капетинги проводили миропомазание старших сыновей еще при своей жизни, чтобы обеспечить преемственность династии. Но потом он вернулся в аббатство к богослужениям и чтению божественных книг, которые, правда, теперь соседствовали с уроками управления государством. Их преподавал наследнику умный и искушенный в политике аббат Сюже (Сугерий). После смерти Людовика VI именно он определял политику Франции и продолжал оставаться советчиком и наставником нового короля Людовика VII.

Образование Алиеноры было гораздо более светским, чем у ее супруга. Окружение ее отца, жизнерадостное и куртуазное, мало напоминало аскетический французский двор. Выросшей под песни трубадуров девушке были скучны божественные хоралы и атмосфера несколько нарочитого благочестия. Она выделялась любовью к поэзии, веселым нравом, склонностью к проказам. Не такие качества приветствовались в королеве Франции. Здесь, где женщина рассматривалась почти как служанка мужа, от нее требовались только покорность и религиозность. Не случайно жены французских монархов, овдовев, давали себе волю и, наконец, становились просто женщинами, пожертвовав всеми привилегиями, связанными с саном вдовствующей королевы. Так было с прабабкой Людовика Анной, дочерью далекого русского князя; после кончины мужа Генриха I она по любви сошлась с его вассалом графом Валуа. Так было и с его матерью, Аделаидой Савойской, родившей супругу одиннадцать детей, но не имевшей на него ни малейшего влияния. Овдовев, она вышла замуж за Матье I Монморанси. Но эти принцессы, по крайней мере, имели величайшую для своего времени женскую добродетель – плодовитость – и сумели выполнить свой долг. А Алиенора за шесть лет брака так и не смогла родить ребенка.

Король Людовик был настолько очарован молодой женой, что прощал ей все: неспособность родить наследника, свободные манеры, дерзкое остроумие и странные привычки. Сохранились предания, что так велика была жажда знаний этой принцессы, так широки и многообразны интересы, что, переодевшись в мужское платье, она тайно посещала лекции в Парижском университете. И это во времена Средневековья, когда редкостью были не только образованные женщины, но и образованные мужчины!

Надо сказать, что подданные Алиеноры не слишком радовались присоединению к Франции. Бароны Пуату жаждали независимости. Самая богатая провинция Аквитании взбунтовалась против своей герцогини. И хотя Людовик VII немедленно выступил в поход против бунтовщиков Пуату и привел их к повиновению, Алиенора глубоко задумалась о пределах власти суверена над своими подданными и о возможностях власти вообще.

Французы не полюбили королеву-южанку. Мало того что она не отвечала идеалу жены и матери, так еще и ее хваленые провинции требовалось удерживать ценой жизни добрых французов. Более того, она ввергла Францию в конфликт с могущественным графом Тибо Шампанским. Ей вздумалось помочь своей младшей сестре Петронилле отобрать мужа у племянницы графа. А ведь войны в Средние века возникали и по менее серьезным поводам!

Именно во время войны с Шампанью появилась первая глубокая трещина в отношениях Людовика и Алиеноры.

Население небольшого городка Витри, спасаясь от неистовства французов, разящих направо и налево, поджигающих дома, собралось в городской церкви – люди отдали себя под защиту Бога. Поднялся ветер, искра пожара воспламенила деревянные конструкции храма. Мирные горожане, женщины и дети, надеявшиеся спастись под священным кровом, оказались погребенными под его обломками. Людовик пережил страшное потрясение; в этой трагедии он винил только себя. Однако и его отношение к Алиеноре претерпело изменения; появилась критика, долгое время вытесняемая восхищением. Со времени их брака прошло шесть лет, а, как теперь известно, супружеская любовь не теряет свежести всего лишь три года. Чуткая Алиенора сразу уловила перемену в муже. Она оставалась такой же любительницей роскоши и веселья, требовала восхвалений своих красоты и ума, но больше всего жаждала выполнить

главное предназначение женщины и королевы – родить наследника. И настолько страстным было это желание, что Господь исполнил его. У королевской четы появилась дочь, названная Марией.

Людовик, конечно, радовался, но счастье его было не полным. Короне нужен был наследник! После трагедии в Витри король долго старался искупить свою вину богатыми подношениями церкви, молитвами и покаянием. Видимо, он был на правильном пути, но его рвение не было сочтено небесами достаточным. Оставался единственный шанс загладить грех: принять крест и отправиться на отвоевание Гроба Господня в Святую землю.

До этого времени Крестовые походы были делом более или менее знатных авантюристов, влекомых в путь как религиозной одержимостью, так и надеждой завоевать себе мечом богатый удел. Короли в освобождении Святой земли не участвовали. Тем более ценным должно было стать решение, принятое французским монархом: он станет первым королем-крестоносцем.

В средние века религиозность заменяла идеологию. Известие о намерении Людовика Французского отправиться в крестовый поход всколыхнуло все европейское рыцарство. К походу французского короля присоединился король германской нации Конрад Гогенштауфен.

Этот Крестовый поход, впоследствии названный Вторым, стал главным событием века. Его всюду обсуждали, о нем мечтали, к нему готовились. Такое мероприятие европейского масштаба не могла пропустить жадная до новых впечатлений Алиенора. Она решила отправиться в Святую землю вместе с супругом. К несчастью, Второй крестовый поход не только закончился бесславно. Он поставил крест на матримониально-политическом союзе двух крупных властителей Европы. Потом аквитанские, но в большей степени французские летописцы пытались рациональными причинами объяснить развод Людовика и Алиеноры.

Много говорилось об ее романтической связи с правителем Антиохии Раймундом де Пуатье, ее дядей. Конечно, нельзя полностью исключить, что 25-летняя Алиенора страстно влюбилась в почти 50-летнего Раймунда, основательно потрепанного и подкупленного безжалостным южным солнцем. Князь Антиохийский наверняка пытался повлиять на нее, чтобы добиться военной помощи соотечественников-французов для защиты своих владений. До этого она совсем не знала этого своего дядю и вряд ли видела хоть раз в жизни, но немедленно – по словам ее хулителей – вступила с ним в преступную связь. Конечно, взаимное духовное и кровное влечение двух людей не могло не вызвать завистливые толки современников, позднее перекочевавшие в летописи. Не следует забывать, что вся эта интрига длилась не более десяти дней – столько времени пробыли Людовик и Алиенора в Антиохии.

Несомненно, эти слухи были измышлением мужчин. Женщина, конечно, учла бы, что измотанная долгими верховыми переходами под палящим солнцем королева, наверное, мечтала помыться, отдохнуть и по возможности исправить те повреждения, которые нанесли ее красоте солнце, ветер, пыль и усталость. Ведь даже на подходе к Эдессе, которую крестоносцы намеревались отбить у сарацин, Алиенора потребовала устроить привал, чтобы она сама и ее дамы имели возможность отдохнуть и «почистить перышки».

Так что, скорее всего, эта любовная интрига была измышлением врагов либо Алиеноры, либо, скорее, Раймунда. Эфемерное предположение, однажды переданное изустно, обрастало красочными подробностями и, в конце концов, обрело плоть.

Безусловно, полностью исключить факт адюльтера нельзя, тем более что якобы многие клялись, будто чуть ли не сами держали свечку, но и поверить во внезапное безумие французской королевы трудно. Эта любовь должна была, как солнечный удар, неожиданно поразить двух трезвомыслящих и расчетливых политиков и заставить забыть обо всем на свете. Это мало согласуется и с активными попытками Раймунда использовать войска крестоносцев для присоединения к своим владениям новых территорий. Легче предположить, что лишения и

неудачи похода вылились во взаимное раздражение, которое Людовик не сумел, а Алиенора не пожелала скрыть.

Продолжительное пребывание Людовика на Востоке было с точки зрения истинных интересов королевской власти величайшей политической ошибкой. Во Франции Сугерий, как мог, боролся с феодальной партией, едва не добившейся свержения короля и возведения на престол его брата Роберта Бургундского.

Как-то получилось, что этот поход, к которому так стремился именно Людовик, тоже стали считать следствием пагубного влияния Алиеноры.

Южане настаивали, что развода потребовала их герцогиня; французы уверяли, будто инициатором разрыва был король.

Расторжение брака таких высоких особ являлось не столько личным, сколько государственным и даже общеевропейским делом. Немудрено, что папа римский Евгений III вмешался с целью сохранить этот союз и с ним европейское равновесие. Но и он сумел добиться только согласия на своего рода эксперимент: если Людовик и Алиенора возобновят супружеские отношения и Господь благословит их рождением сына, брак родителей будет сохранен. Если же ребенок не появится или родится дочь, супругов разведут.

Родилась дочь, Аликс, ставшая впоследствии супругой графа Тибо де Блуа¹.

Но и без того было очевидно, что таким разным людям, как благочестивый Людовик и непредсказуемая Алиенора не ужиться вместе. Ей ли, вдохновительнице трубадуров, покровительнице всего яркого, незаурядного оставаться покорной женой правильного, но такого скучного и пресного Луи Французского. Да и он иначе представлял спутницу жизни – более мягкой, покорной, для которой он был бы верховным авторитетом.

На церковном соборе 1152 г. брак короля Франции и герцогини Аквитанской был признан недействительным по причине близкого родства. Оба бывших супруга желали во что бы то ни стало сохранить респектабельность. Алиенора отправилась в свои владения. А менее чем через два месяца после развода стало известно, что она вышла замуж за Генриха Анжуйского.

Это был не просто союз 30-летней женщины и 19-летнего юноши; это было коренное перераспределение сил в Западной Европе. Вместе со своей рукой Алиенора передавала Генриху всю Западную Францию, что составляло две трети территории, над которой теоретически властвовал французский король. Этот факт, с точки зрения феодального права означавший вывод из-под юрисдикции французского короля половины его государства, – главная политическая причина затянувшейся на века вражды двух стран, приведшей к Столетней войне.

Новый супруг Алиеноры происходил из одного из самых древних и знатных родов Франции. Графство Анжу граничило с герцогством Нормандия, и их правители часто сражались друг против друга, но также нередко образовывали комплоты, которые, как это было принято в старину, скрепляли матримониальными союзами.

¹ Старшей дочерью Людовика VII и Алиеноры Аквитанской была Мария, родившаяся в 1145 г. Во время развода родителей ей было семь лет. Она и ее младшая сестра Аликс были объявлены наследницами престола, а Людовик стал их опекуном. Мария получила образование в аббатстве Авене и в 1164 г. была выдана за Генриха I, графа Шампани. Они произвели на свет двоих сыновей и двух дочерей. Когда муж отправился во Второй крестовый поход, Мария правила государством как регент. Ее двор в Труа превратился в литературный клуб, где поэты и писатели упражнялись на темы дозволенной и недозволенной любви. Среди них находился Кретьен де Труа, чье творчество во многом навеяно исключительной преданностью Марии Шампанской. По его словам, ради нее он был готов пойти на что угодно. Поэт ставил ее выше всех дам и сравнивал «с южным майским ветерком, приносящим усладу как в никакое другое время года». Для него графиня была «дороже всех королей на свете». В 1181 г. умер вернувшийся из крестового похода супруг Марии. Какое-то время она собиралась выйти замуж за Филиппа Эльзасского, графа Фландрского, но тот, после смерти своей неверной супруги Елизаветы Вермандуа, женился на Терезе Португальской. Марию, свою единоутробную сестру особенно любил Ричард Львиное Сердце. В одной из его сервент особо подчеркивается, что душой он стремится к сестрице Марии, а «не к той, что в Блуа», то есть Аликс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.